

ЭЛЕНА ЦАРЬ ВЕЛЕН ТЕБЯ ПОВЕСИТЬ
ЭЛТАНГ

ЛЕНА
ЭЛТАНГ
ЦАРЬ
ВЕЛЕЛ
ТЕБЯ
ПОВЕСИТЬ
РОМАН

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)9-44
Э51

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Элтанг, Лена

Э51 Царь велел тебя повесить: роман / Лена Элтанг. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-17-982687-3

Роман “Царь велел тебя повесить” включает в себя книгу, написанную шестью годами раньше, но полностью пересматривает и переворачивает ее сюжет. Тайна гибели старого друга, история безысходной любви и разорения фамильного дома наполняются новым смыслом, герои, прежде молчавшие, обретают голос и дают ключевые показания. Костас Кайрис — вечный странник, тартуский студент, лиссабонский наследник — попадает в тюрьму за убийство, которого он не совершал. В письмах из камеры он распутывает, казалось бы, безнадежные узлы своей жизни. Выясняется, что сила письма, писательства мощнее семейных корней, человеческих связей, непоправимых ошибок и непреодолимых обстоятельств — одним словом, судьбы. Честный и дерзкий текст, обращенный в прошлое, меняет будущее и становится дорогой к свободе.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)9-44

ISBN 978-5-17-095149-9

- © Л. Элтанг, текст, 2018
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
- © ООО “Издательство АСТ”, 2018
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Часть первая

Другие барабаны

Глава первая 9

Глава вторая 107

Часть вторая

Похороны трески

Глава третья 177

Глава четвертая 259

Глава пятая 333

Часть третья

Тавромахия

Глава шестая 395

Глава седьмая 471

Часть первая

Другие барабаны

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОСТАС

Утром я впервые в жизни побрился ножом у ручья. Давно хотел это сделать. Вода была родниковая, ледяная, но я выкупался, натянул свитер и выпил кофе из красного термоса, который сунул мне в руки хозяин кафе “Канто”, когда я сказал, что ударяюсь в бега. Встретив его недоверчивый взгляд, я добавил, что он может взять себе дверные ручки, уцелевшие при пожаре, железные полки и все, что найдет там полезного. Если поймают, накинута еще год к твоим четырем, сказал хозяин кафе, а то и два. Я пожал плечами, но его слова застряли в памяти, как синие резиновые цифры в сырной голове. В детстве я выковыривал их из желтой восковой корки и складывал под стекло, вместе с сушеными кузнечиками и прочей ерундой. Четыре плюс два равно шесть.

Я думал об этом, стоя на обочине шоссе E1, еще не просохшего от ночного дождя. К тому времени, как я выйду, на европейских купюрах будет нарисован кто-то другой, может стать, самой Европы уже не будет, и вполне вероятно,

что не будет бумажных денег вообще. Голосовать пришлось недолго, в семь часов меня подобрал грузовик, направлявшийся на север, так что я сошел возле Карвалеяры, когда солнце еще не достигло зенита. До испанской границы оставалось полдня пути.

Согревшись, я выложил все из карманов на траву и осмотрел свое имущество. Что у меня в сумке, я и так знал: две белые рубашки, бритвенный помазок, твидовый пиджак и фаянсовая кукольная голова. Когда за мной пришли, сестра набила сумку чем попало, хотя торопиться было некуда, полицейские спокойно ждали, когда я буду готов. В карманах обнаружился паспорт, две сотенные купюры, спички, разбитый телефон и нож, который я присвоил вчера на кухне мотеля.

В Лиссабон я больше не вернусь, а бежать лучше всего налегке. Вот сидеть — другое дело. В камере каждая вещь, карандаш или обмылок, становится артефактом, подтверждающим существование свободы. Пачка оберточной бумаги, на которой я писал в сетубальской тюрьме, была украдена, когда соседям по камере передали рассыпной табак.

За зиму я многое понял про тюремную жизнь. Все свое носи с собой. Если ты думаешь, что тебя заперли, попробуй открыть дверь. Не переставай говорить вслух, а то забудешь кто ты такой. Если ты сидишь в тюрьме, это не значит, что ты совершил преступление.

• • •

Когда они пришли за мной, все произошло как в фильме братьев Люмьер: быстро, непредсказуемо, в черно-белом мерцании. Паровоз летел мне прямо в лицо, потом брал чуть правее, обдавая горячим паром, я задышался, наглотавшись угольной пыли, а статисты прохаживались по квар-

тире, будто носильщики по перрону. Я ждал их уже давно, и вот они пришли.

Полицейских было четверо: трое проворно разбрелись по дому, а инспектор постучался ко мне в спальню и, не дожидаясь ответа, открыл дверь. Вместе с ним зашла настороженная Байша со стаканом молока.

— Константин Кайрис? Я инспектор криминальной полиции. Одевайтесь.

Разговаривать с инспектором, бесцветным, как глубоководная рыба, мне пришлось на кухне. Сначала мы долго молчали: он рылся в портфеле и прихлебывал молоко, а я сидел на подоконнике и слушал, как полицейские швыряют на пол книги и скрипят дверцами платяных шкафов. Один из них вошел в кухню и выложил на стол пакетик с травой и грубо оторванную видеокамеру. Наверное, ту, что висела на кухне, ее проще всего было найти. Инспектор нахмурился и одним глотком допил молоко.

— Садитесь к столу, Кайрис.

В столовой раздался обиженный звон. Похоже, там уронили музыкальную шкатулку, жаль, что я ее вовремя не продал. Я подвинул стул и сел возле стола, прислушиваясь к шагам над головой. Через минуту зашел сержант с плотно набитым конвертом, который я вчера приготовил для посредника.

Инспектор поставил портфель под стол, разложил бумаги и достал карандаш, движения его были плавными, но значительными, как у танцора фламенко. Потом он заглянул в конверт, присвистнул и, не пересчитывая денег, сунул его в папку, а папку положил в портфель.

— Я должен подписать акт об изъятии? У вас есть санкция прокурора?

— При каких обстоятельствах камеры оказались в вашем доме?

— Так как насчет санкции?

— У нас нет бумаги, ее выпишут только завтра. Но если вы не будете сотрудничать, то мы проведем обыск как следует: вскроем полы, разломаем мебель и пустим пух из всех подушек. Предлагаю вам сдать оружие, а также предъявить имеющиеся в доме ценности. Мы все равно вас сегодня заберем, для этого у нас есть основания.

Он говорил так нудно и размеренно, что я поверил. Ясно, что чистильщик совершил промах, и теперь у них есть подозреваемый номер один: сомнительный иностранец, у которого дом набит гаджетами для слежки.

— Я буду сотрудничать.

— У вас имеется армейский пистолет Savage M1917 с инкрустацией и наградной надписью на рукоятке?

— Был такой, но его украли. Он принадлежал хозяину дома, покойному сеньору Браге.

— Вы знаете, что им воспользовались в преступных целях?

— Знаю. Несколько недель назад. Но я не имею к этому отношения.

— То есть вам известно про убийство? Вы употребляете наркотики, Кайрис?

Я услышал тихое фырканье, обернулся и увидел свою служанку Байшу, стоящую в дверях. Уставившись на следователя, она вынимала из волос желтые бумажные бигуди и складывала в карман халата.

— Какое вам до этого дело? Я заявляю протест. Занесите это в свой протокол.

— В протокол заносятся только процессуальные действия. А также изъятые предметы, документы и ценности с точным указанием их количества, индивидуальных признаков и стоимости. Протесты сможете обсудить со следователем. Собирайтесь.

— Я могу взять компьютер и телефон?

— Компьютер возьмем мы. Вам можно взять смену белья и туалетные принадлежности. Вот здесь поставьте подпись. И вы тоже, сеньора, — он обернулся к Байше, и та неохотно подошла поближе.

Потом он сунул подписанный бланк в свой портфель, разваливающийся, будто обугленное полено, и окликнул полицейского:

— Что вы там возитесь, сержант? Выводите задержанного.

— Одну минуту, капитан. Тут устройство какое-то в кладовой и куча проводов на полу. Мне отключить провода и принести этот ящик?

— Ничего не трогайте! — Инспектор поставил портфель на пол, поднялся и направился в кладовку. Я соскользнул под стол, дотянулся до краешка папки, торчащей из портфеля, нащупал в ней конверт, вытянул деньги, примерно половину, и сунул их за пазуху. Байша внимательно смотрела в окно, на затылке у нее сидели две папилютки-лимонницы. Инспектор недовольно гудел за дверью, я услышал звук бьющегося стекла и хруст стеклянной пыли под каблуками. Похоже, они наткнулись на сервер, стоявший в кладовке за плотным строем банок из-под теткинго варенья. Банки были пустыми, последнюю мы с сестрой раскупорили в две тысячи седьмом, это были маленькие зеленые абрикосы.

• • •

Если бы в тот день, когда я увидел Лиссабон впервые, кто-то сказал мне, что я буду сидеть в тюрьме недалеко от руа ду Помбал, я бы точно не поверил. Мне было четырнадцать, мы с сестрой стояли на террасе и стреляли из лука с бельевой резинкой вместо тетивы, стараясь попасть в фонтан,

прямо в голову серебряного лосося, в мокрый выпуклый глаз. Агне не знала ни одного литовского слова, хотя у нее было древнее имя и волосы цвета пожухшего сена, еще светлее, чем у моего школьного друга Лютаса. Удивительное дело, вокруг меня всегда, с самого детства, роятся светло-волосые люди, будто стеклянные мотыльки *Palpita vitrealis*.

Так вышло, что до приезда в Лиссабон я ни разу не видел своей сестры. И ее матери, которая так смешно писала свое имя — Зое, тоже не видел. В твоей тетке нет ни капли литовской крови, шепнула мне мать, когда мы стояли на террасе, седьмая вода на киселе, странно, что она вообще нас пригласила. Она русская с ног до головы!

Я невольно обернулся и посмотрел на тетку через стеклянную дверь. Голова у нее была маленькой и гладкой, в те времена она заплетала косы и стягивала их в узел, узел лежал низко на смуглой шее и пушился, будто кокосовый орех. Зое сидела в кресле-качалке, а муж разминал ей ступни, устроившись рядом на полу и совершенно нас не стесняясь.

Тем летом я старался не носить очков, поэтому разглядеть тетку как следует не сумел, но помню, что был взволнован. Сначала мне показалось, что ее лицо сияет дымчатым светом, будто кристалл кварца, но потом я понял, что свет проходит через витражное стекло двери. Если бы Фабиу знал, что не пройдет и шести лет, как я буду ночевать с его женой в номере отеля “Барклай”, он бы, наверное, здорово удивился. Он умер задолго до того, как это случилось, и тем самым лишился возможности отволочь меня на агору и засунуть в задницу колючую рыбину, а потом засыпать согрешившие части тела горячей золой — так в старину полагалось поступать с прелюбодеями.

Он умер в девяносто четвертом. В этом году в Сараево обстреляли рыночную площадь, в Мексике восстали индейцы, паром “Эстония” затонул, комета Шумейкера —

Леви столкнулась с Юпитером, а я поступил в университет и поселился в облупленном общежитии на улице Пяльсони. В тот год я думать не думал о лиссабонской террасе, я начисто забыл о ней, и о тетке забыл, и о сестре, с которой в один из дождливых дней целовался между львиными лапами рояля. Я читал “Введение в египтологию” и ходил в гости к двум однокурсницам, снимавшим на окраине домик с печкой, потому что в общежитии было холодно и дуло изо всех окон. По дороге к девушкам я отрывал доски от чужих заборов или воровал угольные брикеты, однажды за мной погнался эстонец-хозяин, кричавший: “Куррат! Куррат!”, я бросил брикеты и побежал — просто чтобы доставить ему удовольствие.

• • •

Когда меня вывели из дома, инспектор повернул рубильник на лестничной площадке, закрыл дверь моим ключом и опустил всю связку в карман моего пальто. Руки у меня были скованы за спиной, наручники надели еще в прихожей, а один из полицейских даже придерживал сзади за плечо, как будто мне было куда бежать. Байша успела повязать мне на шею теплый шарф, и я боялся, что он развяжется и упадет. В машину меня сажали с церемониями, за чем-то пригибая голову рукой, хотя дверца фургона была довольно высокой, в человеческий рост.

Этот жест напомнил мне движение конюха на ипподроме, которое я подсмотрел, когда был там прошлой зимой с моим другом Лилиенталем. Мы искали жокея, который должен был подсказать несколько верных ставок, и долго бродили в пропахших мокрыми опилками закоулках конюшен. Наконец мы вышли к манежу и увидели, как мохнатого пони гоняют по кругу вдоль проволочного за-

бора. Пони возмущенно мотал головой, подбрасывал круп и норовил треснуть седока о забор, за что тут же получал хлыстом по кончикам ушей. Когда жокей услышал свое имя, он спешился и подвел лошадку ко входу, чтобы поздороваться с Лилиенталем. Я заметил, что он пригнул голову пони рукой в перчатке и стоял так, не отнимая руки все время, пока с нами разговаривал. Поймав мой взгляд, он сказал, что делает это не со зла, а затем, чтобы лошадь знала, что до стойла еще далеко и хозяин требует покорности.

В полицейском фургоне не было окон, и я смотрел в затылок инспектора, маячивший впереди, за узким грязноватым окошком. Затылок был приплюснутым, что говорит о жадности и упрямстве, а шея была кривой, что свидетельствует о живом уме. Осталось узнать, будет ли он зверствовать на допросе, подумал я, но тут машина замедлила ход, стукнули ворота, инспектор обернулся и кивнул мне на прощанье:

— Идите, Кайрис. Дальше без меня.

Сержант дал мне знак выходить из фургона и повел вперед, пригнув мою голову рукой в перчатке, так что я увидел только площадку, засыпанную гравием, выложенную ракушечником дорожку и ступени крыльца. У самой двери я поднял голову и прочел: *полицейский департамент номер шесть*. И чуть пониже: *калсада дос Барбадиньос*. Странно, что мы ехали так долго, в этом районе мне приходилось бывать у знакомого антиквара, и я ходил сюда пешком, с парой подсвечников под мышкой или граненым графином, завернутым во фланель. На крыльце сержант вдруг скривился, как будто вспомнил что-то неприятное, достал из кармана бумажный мешок, расправил и ловко надел мне на голову:

— Извини, брат. Такие здесь порядки.

Я спокойно стоял у двери, прислушиваясь к его удаляющимся шагам. Хлопнула автомобильная дверца, кто-то

засмеялся, потом завелся двигатель, зашуршал гравий. Почему они повезли меня на северо-восток, разве в альфамском участке нет своего отдела убийств? Вероятно, потому что я иностранец, а здесь какой-то особый отдел для иммигрантов. Дверь открылась, меня взяли за наручники и потянули внутрь. Конспираторы хреновы, начитались про Гуантанамо, сказал я тихо и тут же получил тычок под ребра. Похоже, отсюда дорога только в аэропорт и домой, в тюрьму на улице Лукишкес, думал я, медленно продвигаясь по коридору. Конвойный придерживал меня за плечо и предупреждал: лестница, стоять, направо.

Я ожидал жестокого допроса, но меня отвели на второй этаж, стянули с головы мешок, втокнули в камеру с бетонной скамейкой, сняли наручники и оставили одного. Даже обыскивать не стали, а могли бы неплохо пожить. Сидеть на бетоне было холодно, так что я стал ходить вдоль стены, зачем-то считая шаги; через три тысячи шестьсот шагов мне принесли одеяло и матрас, набитый чем-то вроде гречневой шелухи. Я вытянулся на матрасе лицом к стене, увидел перед собой слово *banana* и закрыл глаза.

Подумаешь, бетонная скамья. В позапрошлом году, когда я был во Флоренции, мне приходилось спать на антресолях шириной с половину плацкартной полки. Так вышло, что я жил в дешевой квартире в районе реки Арно, где ванна стояла посреди кухни, спальни вообще не было, а на антресоли вела библиотечного вида шаткая лесенка. Я долго не мог привыкнуть и, просыпаясь, резко поднимался в постели и бился головой о дубовую перекладину потолка. Через две недели мне показалось, что на двухсотлетней балке образовалась вмятина, еле заметная, но вполне понятного происхождения. Меня это почему-то обрадовало: я подумал о тех, кто поселится здесь после меня, они будут

смотреть на вмятину и усмехаться, думая о прежнем постояльце. *Засыпая, они будут думать обо мне* — вот что меня тогда волновало, поверить не могу.

30Е

Шла Федора по угору, несла лапоть за обору, оборы порвалась, кровь унялась. Когда таблетки не помогают, я ложусь в шавасану и вместо мантры читаю это громко и нараспев. Мне грустно думать, что ты застанешь дом в запустении, я знаю, что ты его любил. С тех пор как настоящие хозяйева умерли, он тихо гневался и хирел, обдираемый скупщиками. Его защитные листья осыпались один за другим, и вскоре кое-где показалась кочерыжка: белые стены и ясеневые доски пола. Я не тронула гостиную и спальню Лидии, но ты не стесняйся, если будешь голодать, продавай все, что найдешь, и портреты предков, и мейсенские лампы, тут еще надолго хватит.

Сегодня приезжал антиквар, служанка собрала для него чайный сервиз от *Vista Alegre*, завернула каждую чашку в газету, полдня просидела над этой коробкой, кряхтя и ругаясь. Я для нее что-то вроде демона-разрушителя, на моей совести падение дома Брага, а она служила им триста лет и три года. Возьми ее к себе, милый, она будет за тобой присматривать, без нее дом проглотит тебя и не поперхнется. Не гони старуху, обещаешь?

Я живу теперь в кабинете Фабиу, потому что там есть питерское окно-фонарь. Я переселилась туда прошлой осенью, когда окончательно слегла. Так кочевники меняли стоянку, если в племени кто-то подхватил лихорадку, считалось, что болезнь останется в земле прежнего становища, вместе с костями и тлеющими углями.

Когда-то это была лучшая комната в доме, самая тихая, с потрескавшимся кожаным диваном и сигарным столиком, — может быть, поэтому Фабиу выбрал другое место, когда решил покончить с собой. Он повесился зимой девяносто четвертого, рано утром, перед дверью материнской спальни. Письменный стол, который он отбросил ударом ноги, мы вынесли на помойку, а разбившаяся витражная лампа, которую в доме называли *грабарчиком*, удачно склеена и стоит на своем месте.

Воспоминания как чужие векселя, прочла я в одном из романов, купленных на распродаже в разорившемся книжном на улице Элиешу. В горькие дни можешь ими рассчитывать, и пока тебе есть чем платить, пока память подкидывает тебя, словно послушный батут, — ты в силе, у тебя полный рукав козырей. Есть ли у тебя воспоминания, Косточка? Если нет, то пусть у тебя будут мои, засунутые в ребристую железную коробочку с двумя красными кнопками *on* и *off*.

Нет, тут есть еще одна кнопка: пауза. Я только что ее обнаружила. Обычно я говорю с тобой не прерываясь, пока не устану, но тут мне вдруг страшно захотелось есть, я встала, прошла на кухню, держаь руками за стену, нашла там принесенный служанкой сверток и развернула коричневую бумагу. Точно в такую бумагу заворачивали горячий хлеб в тракайской пекарне: мы с твоей мамой ездили на озеро, покупали две свежие булки напротив замка и съедали их, глядя на уток. Крошить хлеб в воду было нельзя, за этим следил с башни замковый сторож; заметив нарушителей, он с грохотом сбегал по винтовой лестнице и принимался ругаться: ах вы змеи, лягушки, или вы читать не умеете?

В служанкином свертке оказался подсохший бисквит и яблоко, я вернулась с ними в кровать и вспомнила, как

мы грызли с тобой крекеры в эстонской гостинице. Вся постель была в крошках. Сначала шел мокрый снег, потом началась метель, и мы провели день в номере, попивая коньяк и слоняясь в стеганых нейлоновых одеялах, как два привидения.

Однажды, когда вас с Фабиу не было дома, — сказал ты тогда, — я зашел к тебе в спальню и забрался под твоё одеяло. Я провел там минут десять, представляя себе черт знает что. На одеяле были разбросаны вещи, приготовленные для стирки, я запомнил, как они лежали, и потом разложил в таком же порядке. В этом было больше смысла, чем во всех свиданиях с Агне под роялем, вернее под лысым персидским ковром.

— Ты встречался с моей дочерью под роялем?

— И под роялем, и во всех темных углах, где она меня заставляла. Она научила меня целоваться с открытыми глазами. Кстати, твои хваленые ковры были испорчены старой собакой и сыростью. От них воняло, как от клетки с опосумом.

— Этого не могло быть! — воскликнула я горестно. — Я бы почуяла. Скажи, что ты врешь!

И ты сказал, что тебе стоило.

КОСТАС

— Эти видеокamеры принадлежат вам? — следовательно вертел проводок между пальцами. Я уже знал, что его фамилия Пруэнса, лицо у него было крупное, холёное, оно показалось мне смутно знакомым, как будто я видел его раньше, но мельком, на улице. В кабинете было нетоплено, я сидел на железном стуле и дрожал от холода, а он накинул на плечи твидовое пальто.

— Я уже говорил, что нет. Это собственность Лютаса Раубы, моего друга. Он собирался снимать кино и оставил у меня часть оборудования.

— То есть вы подтверждаете, что были знакомы с Раубой, гражданином Литвы? — Он поморщился и нажал кнопку на сером диктофоне.

— Разумеется. С самого детства. Теперь скажите мне, где я нахожусь и в чем меня обвиняют?

— Вы находитесь в следственной тюрьме, задержаны по подозрению в убийстве. Адвоката вам на днях предоставит центр помощи иммигрантам. На вашем месте я бы начал сотрудничать со следствием прямо сейчас.

Некоторое время я сидел молча, придумывая, как лучше повести разговор. Начать рассказывать всю правду? Молчать, пока не придет адвокат? В какой-то момент мне показалось, что это не имеет никакого значения. Что у них уже все решено, либретто написано, дирижерская палочка летает сама по себе и мне остается только представлять себе музыку, вернее особую пустоту оркестровой ямы, где вразнобой звучат какие-то сигналы, то еле слышное бормотание, то жестяные стуки, то виолончельный плеск.

— Ну-с-с? — Пруэнса барабанил пальцами по своему гаджету, записывающему наше молчание. Точно такой же, только черный, я нашел в теткинском тайнике, когда разобрал ее бумаги. Когда я включил его, то на несколько минут перестал дышать, как будто оказался глубоко под водой с открытыми глазами.

Со дня Зоиной смерти прошло два года, но в ее доме полно тайников, он состоит из них, как вселенная из фрактальных уровней, так что я наткнулся на диктофон только весной две тысячи шестого. Обнаружив диктофон в коробке из-под бисквитов, я лег на пыльные простыни, которые ничем не пахли, кроме всякой аптекарской дряни, и стал

слушать Зоин голос, такой слабый, старательный, не тот, что был раньше, когда я мог ее видеть.

Странно звучит, я знаю, но тут вот в чем дело. Когда я мог ее видеть, то всегда немного стыдился наших голосов. Наши голоса были словно два пищика в животах у площадных кукол. Мы были одно, а наши речи — другое. За все время, что я провел с ней рядом, неважно где — в постели, за столиком в кафе, на автобусном вокзале, — я ни слова не сказал своим голосом, я то смущался, то наглед, то боялся, то пыжился, то высмеивал, то защищался, я все время был занят, понимаешь? И она тоже.

Черный диктофон, вот чего мне не хватает в этой тюрьме. Я так растерялся, когда за мной пришли на руа Ремедиош, что не взял ни одной нужной вещи, так и ушел в пальто и ботинках на босу ногу. Сидя на своей кухне напротив инспектора, я ждал, когда один из полицейских поднимется на второй этаж и крикнет оттуда: “Пришлите дактилоскописта! Я нашел пятна на стенах от мыльной воды и уксуса”. Но никто не крикнул, меня довольно быстро вывели из дома и отправили в участок, входную дверь опечатали, ключ от нее лежал у меня в кармане, так что, подумав хорошенько, я понял, что *locus delicti* никого не интересует. Я понятия не имел, куда делась Додо, где скрывается вся остальная шайка и что надо говорить, чтобы мне здесь поверили.

Стратагема: обмануть императора, чтобы переплыть море. Если поверят, я сяду в тюрьму за соучастие и сокрытие улик, если не поверят — сяду за убийство. Для каждой свиньи наступает день ее святого Мартина, как сказал один испанец, побывавший в плену. Мать испанца, добрая донья Леонор, выкупила его за две тысячи дукатов. На мою мать надеяться точно не стоит.

Как бы там ни было, я решил писать обо всем, что приходит в голову, в том числе и о тебе, Ханна, хотя тебя

я помню довольно смутно. Вот что я помню: длинные ноги с красноватыми коленями, протяжная речь, бублик из тонких косичек на затылке (португальцы такой бублик называют *bolo rei* и кладут в него цукаты) и пацанская привычка стучать собеседника по плечу.

Я помню, что целовал тебя в пустом коридоре общежития, потому что твоя соседка-деревенщина вечерами никуда не выходила. Может, это и к лучшему, думал я, укладываясь спать в нашей с китаистом комнате, заставленной сосновыми полками. У нас даже между кроватями стояли полки в половину моего роста, так что мы спали в овечьем загоне, сделанном из голубых томов “Путешествия на Запад” и зеленых кирпичей Плутарха. Не слишком-то много я помню, верно? Ну и ладно. Тому, кто пишет, необязательно помнить, как все на самом деле было, ведь он владеет мастихином, которым можно не только смешивать охру с белилами, но и палитру поскрести, почистить лишнее. А если заточить как следует, то и убить, пожалуй, можно.

• • •

Было время, когда моим лучшим другом был Лютас, сын жестянщика, живший в доме напротив, но не в здании с маскаронами в виде львиных голов, а в глубине двора, в деревянной пристройке. В девяносто первом он провожал меня в Лиссабон: мы сидели в нашем подъезде на подоконнике и пили горькую настойку, двадцатиградусную. В тот день он принес мне свою кожанку, шоферскую, с карманами на молниях, чтобы я не позорился за границей, а в придачу — горсть эстонских денег, которые он выменял в школе на марки. Эстонцы только что отчеканили белые однокроновые монетки, чудесно совпадающие по размеру с немецкой мелочью. Во Франкфурте у нас с мамой была пересад-

ка на рейс португальских авиалиний, так что я потихоньку обобрал все автоматы в зале ожидания, набив карманы пачками “Мальборо” и пакетами соленого миндаля.

Я никогда не задумывался о мужской красоте, пока не увидел Лютаса, я вообще думал, что красота — это то, что бывает у взрослых женщин и у старинных вещей. Весь остальной мир я делил на то, что выглядит мерзко, и то, что можно потерпеть. Когда я увидел Лютаса в первый раз, то подумал, что это девчонка, которую подстригли под мальчика: слишком уж ловко сидели на нем джинсы, слишком чистой была кожа. И весь он был какой-то подозрительно чистый для третьеклассника. В тот же вечер мы подрались, и он оказался крепче и свирепее меня, несмотря на свою тонкую кость. Помирившись, мы совершили справедливый обмен: я дал ему рамку с четырьмя сохлыми бражниками, а он мне — гнездо славки, выложенное конским волосом.

Мы звали друг друга *бичулис*, с литовского это переводится как “приятель”, но не только: так называют друга пасечники, владеющие общими пчелами. *Бите* означает “пчела”, у моего двоюродного деда на хуторе их было видимо-невидимо, восемь ульев или двенадцать. Когда дед умер, его дряхлый белоголовый бичулис с соседнего хутора сразу пришел за ульями, постучал по ним палкой и сообщил, что забирает их на свою пасеку, мол, так по традиции положено.

Когда в августе девяносто третьего я вернулся из Тарту домой и сказал, что с горя поступил на исторический, Лютас даже не удивился, похоже, он не видел большой разницы между востоковедом и медиевистом. Они с Габией, его подружкой, целыми днями пропадали на городском пляже, где был ларек с чешским пивом: пиво остужали, опуская бутылки в авоське в речную воду. Иногда Лютас звал меня с собой, и я не отказывался, хотя валяться на одеяле рядом

с Габией, затянутой в тесный купальник, было выше моих тогдашних сил. У меня мутилось в глазах каждый раз, когда она открывала рот, чтобы зевнуть или сунуть за щеку леденец. Теперь-то я знаю, что греческое *χᾶος* имеет общий корень с глаголом “разевать” — неважно что, девичий рот или пасть звериную. Самое смешное, что я не хотел спать с Габией. Ни тогда, ни потом, когда уже спал с ней. Я хотел владеть Габией, как ей владел Лютас, вот и все. Горе душило меня, прочел я у Байрона несколько лет спустя, хотя страсть еще не терзала.

В пятом классе мой друг затеял угнать антикварный соседский “виллис”, давно дразнивший нас сиденьями из потертой рыжей кожи, похожими на чемоданы из шпионского фильма. Лютас забрался внутрь и завел мотор, а я стоял на стреме и трясся, утешая себя тем, что это от ночного холода. Мы катались на трофейной машине до утра, доехали до Тракайского озера, где мотор всхлипнул в последний раз и заглох, пришлось возвращаться в город ранним автобусом, полным старушек с корзинками; в корзинках виднелась свекольная ботва и молодые шершавые огурцы.

В полдень хмурый сосед позвонил в нашу дверь, поговорил с матерью, и она закрыла меня до вечера в соседском чулане, где с потолка спускалась грязная лампочка на сорок ватт, а сидеть можно было только на венском стуле без спинки. Обыскав все как следует, я нашел на антресолях пачку бухгалтерских книг в проеденных мышами переплетках. К одному из гроссбухов был привязан химический карандаш на веревочке, совсем целый.

Я сел на стул, прислонился к сырой стене, вырвал из тетради исписанный синими цифрами листок и начал сочинять рассказ о двух мальчишках, угнавших генеральскую машину, добравшихся на ней до Варшавы и гуляющих там с паненками по кофейням. Часам к восьми вечера я извел

карандаш и принялся искать что-нибудь съестное, воды-то у меня было вдоволь, из каменной стены торчал покрытый ржавчиной кран с вентиляем. Потянув коробку с консервами с верхней полки, я обрушил на себя целую залежь холщовых мешков, поднял тучу пыли и закашлялся.

— Это кто там шебуршит? — строго спросили за дверью. — Уж не вор ли забрался?

Я узнал голос доктора Гокаса, любовника матери, обрадовался и подал голос, надеясь, что он сходит за ключом. Но не успел я закончить фразу, как раздался глухой звук, как будто ударили ногой по плохо надутому мячу, дверь открылась и Гокас возник на пороге, белея в сумерках своим безупречным халатом.

— Ты что здесь делаешь? В индейцев играешь?

— Меня мать закрыла. — Я сунул листки за пазуху и быстро протиснулся мимо него.

— Закрыла? Дверь-то не заперта. Я бы давно уже удрал, будь я на твоём месте.

Ну нет, думал я, сбегаю по лестнице, только не на моём месте. С доктором я бы не стал меняться местами, от него пахло разведенным спиртом и дегтем, а недавно он купил себе “трабант” и теперь проводил воскресенья, разглядывая его усталые внутренности. К тому же, будь я доктором, мне пришлось бы, чего доброго, полюбить мою мать.

• • •

Вещи обманывают нас, ибо они более реальны, чем кажутся, писал Честертон. Это точно. Настоящие вещи живут в скрытой возможности, а не в свершении, вроде пачки бенгальских огней или пакетика семян. Отбери у меня возможность погружать пальцы в клавиши и водить глазами по буквам, и я зачехну, погружусь в кипятик действитель-

ности, как те крабы, что водятся в мутной воде у портового причала возле кафе “Алмада”. Раньше их ловили прямо с веранды кафе, отрывали клешни и бросали обратно в воду. А клешни варили в чане с кипятком.

Стоит мне завидеть свою сноровистую кириллицу, черных бегущих жуков на светящемся белом поле, как у меня отрастают клешни и я оживаю, соскальзываю в воду и боком, боком ухожу на свое придуманное дно. Существует только я и кириллица, латинские буквы недостаточно поворотливы, они цепляются за язык, будто гусиное перо за пергамент, русский же лежит у моей груди, в особенной впадине диафрагмы, к ней мужчины прижимают чужое дитя, пока мать отошла в парадное подтянуть чулок: прижимают крепко, держат неловко, но с пониманием.

В тюрьме я понял это на четвертый день, потому что на четвертый день меня вызвали к Пруэнсе во второй раз и я готов был поцеловать ему ботинок за то, чтобы мне вернули компьютер, хотя бы на пару дней.

— Вы признаете свою вину, — произнес он, и я увидел эту фразу в воздухе между нами, будто всплеск серпантина. Вопросительного знака я не увидел, следовательно было скучно: либо у него не было ко мне вопросов, либо он знал все ответы наперед. Что до меня, то я так долго ждал вызова в этот кабинет, что готов был говорить о чем угодно: о Реконкисте, о ценах на бензин, о певице Амалии Родригеш. После первого вопроса Пруэнса замолчал, налил себе чаю и принялся заполнять какие-то пробелы в моем досье. Минут через десять в кабинет вошел человек в синей форме, сел боком на стол следователя и принялся качать ногой. Потом пришли еще двое охранников, и я подумал, что народу в кабинете многовато для простого допроса.

— Вы поедете на опознание, Кайрис. У вас крепкий желудок? — Пруэнса отхлебнул чаю и улыбнулся.

Для следователя он был слишком выразителен: яркие желудевые глаза, выпуклые губы, бритое актерское лицо.

— Я уже видел ее труп. Я видел, как ее убили, на компьютерной записи, но не смог разглядеть того, кто стрелял. Я также видел, как тело прятали в мешок для мусора. Не надейтесь, что в морге я признаюсь в том, чего не делал.

— У вас скверный португальский для человека, который живет здесь почти восемь лет. Вы имели в виду *его* труп? — Пруэнса был угрожающе благодушен, и я насторожился.

— Думаю, убитый сам толком не знал, кто он такой. Скорее всего, это был парень. Я видел настоящий *cajalho*, не приклеенный.

— Да он под дурачка косит, — сказал тот, второй. — То у него мужика пристрелили, то бабу!

На нем была свежая рубашка, я почувал запах стирального порошка, когда он толкнул меня на пол вместе со стулом. Я ударился головой о край стола, из носа пошла кровь, стул придавил мне правую руку, я хотел его скинуть, но тот, кто меня толкнул, поставил ногу на перекладину, не давая мне подняться. На какое-то время я перестал слышать, но потом слух вернулся — болезненным щелчком, похожим на тот, что бывает после слишком быстрой самолетной посадки.

— Значит, вы видели убитого раздетым? — услышал я голос следователя. — Ваше признание мы занесем в протокол. Мы знаем, что вы знакомы с жертвой, но не предполагали, что вас связывали отношения такого рода. Ведь связывали?

Я осторожно протянул другую руку к внутреннему карману пальто. Похоже, что очки уцелели, хорошо. Эту оправу я купил еще во времена благоденствия, когда работал в Байру-Алту: золото и сталь, немецкое качество. Вот за что я люблю португальцев — здесь даже бьют не слишком стараясь.